
**«ИЗВРАЩЕНИЯ», «ЛЖЕКОЛХОЗЫ»
И «СВЯЗИ С ДУХОВЕНСТВОМ ЧЕРЕЗ ТРОЦКИЗМ»:
«РАСКУЛАЧИВАНИЕ» НА ЮЖНОМ УРАЛЕ
В 1930—1934 ГГ. (1)**

А.А. Раков

Кафедра истории России новейшего времени
Историко-архивный институт
Российский государственный гуманитарный университет
ул. Никольская, 15, Москва, Россия, 103012

Данная статья посвящена анализу содержащихся в пункте «характеристика как основание к выселению» поводов и причин «раскулачивания» южноуральских крестьян на основе неопубликованных данных местных, региональных и центральных архивов. Также внимание сосредоточено на положении крестьян в деревне и мерах, предпринимаемых государством для борьбы с южноуральским крестьянством.

Ключевые слова: Коллективизация, «раскулачивание», колхозы, крестьяне, Южный Урал, характеристика, основание к выселению, лишение избирательных прав.

Данная статья является частью работы автора по реконструкции социального портрета «раскулаченных» (2) крестьян Южного Урала, проделанной посредством создания и анализа базы данных «„Раскулаченные“ крестьяне Южного Урала (1930—1934 гг.)», включающей сведения по социально-демографическим и экономическим показателям 1024 «раскулаченных» южноуральских семей. Анализ и синтез полученных количественных показателей приведен в ряде публикаций (3), в которых также доказана репрезентативность рассматриваемой базы данных. В предлагаемой статье автор оставляет за скобками количественные показатели «раскулаченных» хозяйств и обращается к неопубликованным и неисследованным ранее данным центральных и местных архивов, в частности — к пункту «характеристика как основание к выселению» в сопроводительных документах «раскулаченных» крестьян Южного Урала.

Определимся и с *терминологическим аппаратом*. До 1934 г. крестьяне, направленные в «кулацкую ссылку», назывались спецпереселенцами, в 1934—1944 гг. — трудпоселенцами, с 1944 г. — спецпоселенцами (4), а в самоназвании обычно использовались термины «спецпереселенцы» и «трудпоселенцы» (5). Тем не менее, отметим, что термины «кулак» и «спецпереселенец» не являются идентичными, так как даже самый поверхностный анализ судебных дел «раскулаченных» крестьян подтверждает: выселялись, вопреки правилам, отнюдь не все «раскулаченные» крестьяне.

Все «кулаки» были разделены на *три категории*: 1-я — контрреволюционный актив, их дела рассматривали спецтройки в составе представителей ПП ОГПУ (6), обкомов ВКП(б) и прокуратуры, члены семей выселялись в отдаленные районы с конфискацией всего имущества или расстреливались; 2-я — наиболее богатые «кулаки», «опора антисоветского актива», подлежали выселению

на спецпоселение; в эту категорию включали и «подкулачников», то есть всех сочувствующих «кулакам»; 3-я — остальные «кулаки», которые, как правило, переселялись внутри области или края.

Перегибы и «извращения партийной линии». Самообложение, предложенное в Постановлении Политбюро ЦК ВКП(б) от 17 января 1929 г. (7), в том числе и на Урале, было лишь прологом к целенаправленной борьбе против «наиболее зажиточной среди бедных» части жителей деревень.

К войне с крестьянством государство подготовилось основательно: непосредственно для руководства операцией по выселению «кулаков» и их семейств, отнесенных ко 2-й категории, в области и округах создавались оперативные тройки во главе с начальниками подразделений ОГПУ. На случай «возможных осложнений» при ПП ОГПУ создавались маневренные группы из частей ОГПУ. Там же, где «чекистско-военного резерва» было недостаточно, разрешалось использовать «в скрытом виде войсковые группы из надежных, профильтрованных Особорганами ОГПУ частей Красной Армии» (8): как мы видим, чтобы предотвратить массовые выступления крестьянства, прогнозирувавшиеся из-за повсеместной практики внесудебных репрессий, проводившихся по линии ОГПУ, государство прибегло к еще большим репрессиям. А крестьянам ничего не оставалось делать, кроме как бежать «неизвестно куда» — от дома и от семьи. Иначе их ждала незавидная участь на лесозаготовках, с которых, впрочем, тоже часто сбегали (9), но только те, кто мог это сделать. К сожалению, на лесозаготовках «раскулаченные» использовались не только на Урале (традиционное место лесозаготовок — под Златоустом) (10).

В информационных сводках отмечалось, что «на Урале и в Сибири имели место случаи, когда работники заготовительного и советского аппаратов применяли методы административного нажима, допуская при этом значительные перегибы, искажения, которые частично задевали и середняков» (11). В частности, выразились они и в том, что середняков индивидуально облагали прогрессивным сельхозналогом (12).

Случаи мародерства при изъятии имущества стали «общим местом» (13). Перегибы доходили до такого абсурдного уровня, что председатель окружного исполнительного комитета был вынужден напомнить, что массовый бойкот кулаков перестает быть бойкотом по сути (14). Кроме того, райкомам было указано, что бойкот должен проводиться «по инициативе бедняцко-середняцких масс», а никак не в административном порядке (15).

В сводке Колхозцентра о ликвидации «кулачества» как класса по материалам печати с января по 9 февраля 1930 г. отмечается, что понимания сущности «раскулачивания» на местах либо не было вообще, либо оно запаздывало: так, в Шумихинском районе Челябинского округа «раскулачивание» проводилось «без лишнего шума» — все имущество было конфисковано ночью (16).

Согласно секретному документу (с резолюцией «не публиковать») Наркомата финансов РСФСР № 420 от 18 марта 1930 г., «конфискованное имущество кулацкого хозяйства идет:

а) в первую очередь, на погашение причитающихся с кулацкого хозяйства налогов, повинностей и плат;

б) во вторую очередь, на погашение задолженности хозяйства разным государственным и кооперативным организациям (по ссудам и пр.);

в) в третью очередь, в колхозный неделимый фонд в качестве взноса за бедняков и батраков» (17).

В связи с этим Уральский областной финансовый отдел отмечал, что «учет конфискованного кулацкого имущества на Урале во многих округах был поставлен весьма неудовлетворительно» (18).

Важно отметить, что в большинстве случаев, как до, так и после революции, многие крестьянские хозяйства зажиточного типа имели от одного до нескольких видов сельскохозяйственных машин, таких, как молотилка, сушилка, жнейка, сепаратор, бункер и другие. Однако при «раскулачивании» таких хозяйств учитывался исключительно только факт их наличия и режима использования (например, сдача в аренду), но не брался в расчет источник их приобретения. Также заметим, что признаком «кулацкого» хозяйства являлось наличие или сдача внаем *только сложных* сельскохозяйственных машин с механическим двигателем. На практике же различий между сложными и простыми сельскохозяйственными машинами не делали.

При этом необходимо сказать, что «раскулачивание» сплошь и рядом носило не характер экспроприации основных средств производства, а конфискации всего имущества вплоть до предметов быта и утвари, хотя «Инструкция уполномоченному по проведению раскулачивания» совершенно определенно устанавливали, что «при составлении описи имущества у выселенных отбираются:

1. Постройки;
2. Сельскохозяйственный инвентарь;
3. Лошади и подростки;
4. Крупный рогатый скот и подростки;
5. Мелкий скот;
6. Свиньи;
7. Пчелы;
8. Зерновые культуры и посевы;
9. Золото, как в монетах, изделиях и кусках;

10. Кооперативные членства силой отбираются и передаются в правление кооперативов;

11. Все остальное имущество, включая утварь, а также птицу, остается в распоряжении выселяемых, которых предупредить, что груз будет взят к перевозке не более 50 пудов по бесплатному тарифу, все же выше 50 пудов оплачивается выселяемыми;

12. Не отбирается также продукт питания, как-то: мука, горох... масло, мясо, а также мануфактура и холст;

13. Из отобранного... передается:

- 1) строения — сельсовету,
- 2) скот и с/х инвентарь — в неделимый фонд колхоза,
- 3) семенной материал и посевы, а также подготовленные земли с указанием, где находятся — выделяются колхозу» (19).

Другая инструкция регулировала порядок учета, использования и реализации имущества и средств производства в результате ликвидации «кулацких» хозяйств (20).

Стоимость конфискованного имущества при описи занижалась в некоторых случаях в 2—3 раза. Так, как правило, вместо положенных 65—70 руб. за лошадь часто давали только 50. Однако многие крестьяне отказывались помогать в «раскулачивании», иногда открыто выражая свое возмущение. Случаи проявления симпатии к «раскулаченным» односельчанам даже со стороны бывших «красных партизан» и «красногвардейцев» отмечены и в архивных документах (21).

При раскулачивании же описывали не только дома, но и утварь, предметы индивидуального пользования: так, в Указании Златоустовского ОК ВКП(б) всем секретарям райкомов ВКП(б), представителям райисполкомов и уполномоченным ОкрИКа отмечается, что «по имеющимся сведениям, в целом ряде мест изъятие имущества у «кулацких» хозяйств проводится без оставления необходимого домашнего инвентаря, о котором указывалось в нашей директиве в отношении выселяемых за пределы округа, так и расселяемых внутри него; есть случаи отобрания детского белья (в Кундравах у Скоробогатова), дележа имущества (чулки и т.п.); в Филимоновской партячейке... района обнаружено 8 шт. часов, конфискованных у «кулаков» и повешенных в помещении ячейки» (22). Кроме того, изымались и другие предметы личного пользования: сапоги, платья, полотенца, юбки, рубахи, посуда, башмаки, шали, кофты, шаровары, халаты, скатерти (23).

Отметим, что люди, вершившие судьбы российского крестьянства, были неграмотными: член комиссии подписывал протокол заседания избирательной комиссии печатными буквами (24). Можно констатировать, что судьбоносные вердикты выносили те, кто до прихода советской власти в глазах односельчан ничего собой не представляли, и даже подписываться умели далеко не всегда. Это те самые «местные руководители», на которых Сталин в своих печально известных статьях «Головокружение от успехов» и «Ответ товарищам колхозникам» возложил вину за «перегибы». А масштабы этих «извращений партийной линии и перегибов» (25) были таковы, что 2 апреля 1930 г. в закрытом письме ЦК ВКП(б) запрещает без санкции ОГПУ (центр) посылку частей ГПУ в районы так называемых выступлений в деревне.

«Перегибы» совершали не только местные руководители. Как отмечается в обзоре ПУ РККА № 537 об участии КА в «раскулачивании» от 15 марта 1930 г., «задача помощи в связи с проведением посевной кампании и коллективизации некоторыми частями КА была понята *неправильно* (курсив мой — А.Р.), что, в свою очередь, и привело к ряду грубейших ошибок. Отдельные части поняли задачу помощи гражданским организациям как непосредственное участие военнослужащих (иногда вооруженных) в проведении раскулачивания... Недопустимым является также и то, что воинские части, принимая практическое участие в раскулачивании, делали это без ведома вышестоящих начальников и не всегда вовремя информировали их о случившемся» (26).

Характерны и примеры:

- «брат, все брать до последней тряпки»;
- мелкие вещи присваивались;

- избиение середняков;
- имущество ломали и разбивали;
- имущество распродалось, раздавалось бедноте, присваивалось;
- «отмечен случай, когда имущество конфисковали у гражданина, лишённого права голоса по слабоумию» (27).

Впрочем, к «извращениям» отнесли и случай, когда на спецпоселении в Магнитогорске учитель-комсомолец на вопрос детей о причине «раскулачивания» честно ответил: «Советской власти нужна была рабочая сила, поэтому выслали ваших родителей» (28). «Кулакам» сочувствовали даже действующие члены партии (29).

Методы экономического воздействия должны были стать индикаторами «зажиточности» крестьян. Согласно Постановлению ЦИК и СНК СССР от 21 апреля 1929 г. «О едином сельхозналоге» наиболее богатые «кулаки» подлежали обложению не по нормам земли, а по доходности в индивидуальном порядке (30). К «кулацким» и зажиточным хозяйствам, отказавшимся от выполнения контрольных цифр, применялся штраф в 5-кратном размере. В ряды «скрывающихся от налогов» попал хозяин, укрывший 13 ульев от налога (31). Впрочем, бедняков тоже «раскулачивали»: А.Г. Ильиных и А.Г. Поляков были выселены, несмотря на отсутствие у них каких-либо признаков зажиточности, о чем прямо говорится в характеристике (32), поэтому неудивительно, что и середняки (33), и бедняки (34) в некоторых случаях поддерживали «кулаков» в неприятии советской власти.

Именно об этом Г.Г. Ягода, ставший из-за болезни В.Р. Менжинского с начала 1930-х гг. фактическим главой ОГПУ (формально — первый заместитель председателя), писал И. Сталину: «Наиболее серьезным и распространенным видом извращения является подведение середняка, бедняка и даже батрака и рабочего, а также красных партизан и семей красноармейцев под категорию раскулачиваемых и выселяемых. Эти факты отмечаются почти повсеместно в том или ином размере» (35).

В Директиве ОГПУ всем ПП ОГПУ о принятии мер по ликвидации перегибов в «раскулачивании» отмечаются ошибочные случаи «раскулачивания» в связи с тем, что: теща занималась когда-то торговлей; глава семьи около 3-х лет был в рядах армии, но в начале революции торговал семечками (36). В связи с такими перегибами И. Сталин отмечал, что политика раскулачивания исключительно без собственно коллективизации в корне неправильна (37). А 8 марта 1931 г. в Постановлении № 1 Президиума Уральского областного исполнительного комитета были определены категории, ни при каких обстоятельствах не подлежащие «раскулачиванию», а также приведен перечень предметов, которые у «раскулаченных» крестьян забирать при конфискации имущества не следует (38).

Для указания вины человека использовались очень изысканные характеристики. Например, такая: «примазался к колхозу с целью скрыть свою кулацкую рожу» (39). Обвиненные одновременно и в нежелании вступать в колхоз, и в создании так называемых «лжеколхозов» (40), в которых якобы были аккумулярованы отборные «кулаки», а позже вообще получившие запрет на вступление в кол-

хоз, зажиточные крестьяне вынуждены были заявлять о своих претензиях на землю и бороться (41). Неудивительно, что информационные сводки с мест свидетельствуют: «кулаки» действительно отрицательно относились к мероприятиям, проводимым советской властью (42), а в отдельных случаях даже справедливо называли коммунистов «грабителями» (43).

Впрочем, согласно закрытому информационному письму секретарю Троицкого окружкома тов. Трегубенкову от 29 февраля 1928 г., «кулаки» уже в то время были «враждебны почти ко всем мероприятиям советской власти» и «*дискрипировали* (цитата! — А.Р.) на глазах населения местную власть» (44).

В ответ на это официальная пропаганда, чтобы максимально приблизить русских крестьян к образу матерых преступников-уголовников, вводит термин «кулацкая группировка» (45), отождествляя мирных жителей деревни с участниками преступной группы.

Так, в нескольких колхозах Бродокалмацкого района были вскрыты «кулацкие группировки» в следующем составе:

- «в колхозе «Крестьянин» — председатель, бригадир и кузнец;
- в колхозе «Прогресс» — председатель и целая группировка чуждых элементов, которые ютились возле него;
- в колхозе «1-е Мая» — кузнец и группа колхозников, взявших под свое влияние председателя колхоза и использовавших его» (46).

А крестьянин А.М. Лузгин из Чебаркульского сельсовета Бишкильского района Челябинского округа вообще «имел гнездо организации кулаков и активно изгалялся над батраками» (47).

Положение в колхозах. Согласно политдонесению о работе политотдела Троицкой МТС Челябинской области по поведению в жизнь решения январского пленума ЦК 1933 г. в Троицком районе наблюдается отток колхозников: из 2500 хозяйств к моменту их организации к настоящему времени осталось только 1380, то есть потеряно без малого 45%. В то же время отмечалось и существенное снижение «скотского поголовья» (48), что в условиях голода и неудивительно.

Впрочем, у колхозников мнение по поводу целесообразности существования колхозов не отличалось от точки зрения крестьян-единоличников: В.Е. Боровков, крестьянин из Серпиевского сельсовета Катавского района Златоустовского округа, состоявший в 1931 г. в колхозе, говорил по этому поводу: «Нас заколлективизировали, сгруппировали умирать, нужно колхоз распустить, так как в этих колхозах умрем» (49).

В политдонесении политотдела Троицкой МТС от 13 декабря 1933 г. отмечается, что «методы работы кулачества заключаются в игре на трудностях, на протяжении последних лет сопутствующих работе колхозов. Политотделом на протяжении сельскохозяйственной кампании этого года неоднократно вскрывалась подрывная работа и вредительские акты кулаков и подкулачников» (50).

Любые неудачи — социальные, продовольственные, политические — объяснялись «кулацкой работой». Заниженную урожайность тоже списали на «выраженные сопротивления кулачества» (51). И в падеже лошадей, разумеется, «виноват

тыми» были объявлены «кулаки»: все объяснялось «кулацкой работой вокруг коня», так как крестьяне ночью вынуждены были уводить лошадей для обработки собственных огородов (52).

На этом фоне объяснение провала массового сева недостаточным привлечением коров выглядит едва ли как не полное признание собственных ошибок: «Большим тормозом в развитии массового сева является недостаточное привлечение на работу коров. Антикоровных настроений как массового явления нет, колхозницы дают своих коров. Но у части руководства нет умения быстро включить коров на работу по сверххраненному» (53).

Причины «раскулачивания». У большинства глав семей поводом или одним из поводов к выселению являлась «эксплуатация батраков», при этом в больших семьях она носила «скрытый характер». Отметим, что в таком случае закон стал иметь обратную силу, так как само государство в годы нэпа разрешило использовать наемный труд. И нужно ли говорить о том, что семьи с дефицитом рабочих рук вынужденно приглашали к себе в дом родственников, появление и совместный с хозяевами труд которых советская пропаганда расценивала однозначно: как скрытую эксплуатацию (фактически — семейную). Интересно, что и на пасынка одного из домовладельцев был повешен ярлык «скрыто эксплуатируемого» (54), а в матерых эксплуататорах оказался инвалид, попавший под «раскулачивание» только потому, что не мог самостоятельно вести хозяйство (55). «Раскулачен» был и другой инвалид — А.Е. Шкерин из Бедярышинского сельсовета Катавского района Златоустовского округа (56), — освобожденный от физического труда по состоянию здоровья и вынужденный, таким образом, нанимать батраков. От «раскулачивания» не спасся и П.Ф. Кожевин, доброволец Красной армии, инвалид, которого осудили за контрреволюцию, после чего его 30-летняя жена осталась одна с двумя малолетними детьми (57). Другой пример — Т.П. Новикова, крестьянка из Наследницкого сельсовета Брединского района Троицкого округа, которая жила одна с четырьмя нетрудоспособными детьми и также вынуждена была нанимать батраков (58), причем батраки, в основном, нанимались посезонно, что и было поставлено ей в вину.

Несмотря на всю его формальность, именно обвинение в эксплуатации батраков и стало традиционным клише, применяемым и к беднякам, и к середнякам.

Были, конечно, и зажиточные крестьяне, имевшие не только 1—2 сельхозмашины (маслобойка, сеялка, молотилка), но и табачную фабрику, лесопилку, мельницу (59) или двухэтажный дом на станции Троицк (60), 500 ульев пчел (61) или свыше 10 000 руб. оборота (62).

Впрочем, и имевшие несчастье использовать сельскохозяйственные машины были «раскулачены» согласно Постановлению СНК СССР от 21 мая 1929 г. И если ненависть последователей Н. Луда к машинам можно объяснить естественным чувством страха из-за возросшей конкуренции, то неприятие в чужих руках в 1930 г. односельчанами «раскулаченных» — только человеческой завистью.

С другой стороны, налоговая шкала была прогрессивной, поэтому те, кто был богаче, тот и платил больше. Так, К.П. Калинин из Серпиевского сельсовета Ка-

тавского района Златоустовского округа был обложен твердым заданием по 22 (!) видам сельскохозяйственной продукции (63).

Редкими были богатые населенные пункты, где было не 1—2 предприимчивых крестьянина, а все селение: например, на хуторе Кулит Селезянского сельсовета Челябинского района Челябинского округа на девять семей приходилось 104 лошади, 156 коров, 355 овец и 379 десятин земли (64). Разумеется, ни одна из этих семей не избежала «раскулачивания».

Как свидетельствуют документы, даже если зажиточный крестьянин и пытался установить хорошие отношения с деревенской беднотой, его инициатива становилась мгновенно наказуемой. Так, в очередной характеристике читаем: «очень хитрый, имеет подход к бедноте, темная личность» (65). С другой стороны, «раскулачивали» и крестьян, «безразличных советской власти» (66).

Логику людей, составлявших списки «раскулаченных» односельчан, понять сложно. Например, Г.П. Анисимов из Бедрярышинского сельсовета Катавского района Златоустовского округа «во время прихода белых скрывал в своем доме красноармейцев и партизан, а также скрывающимся в лесу возил продукты свои собственные» (67), но все равно был «раскулачен».

Надо сказать, что характеристики на «раскулаченных» крестьян были в отдельных случаях достаточно курьезными: так, жена Ф.Н. Курдакова, крестьянина из Серпиевского сельсовета Катавского района Златоустовского округа, состояла в рядах ВКП(б), но Ф.Н. Курдаков «зверски заставил ее как муж путем надругательства выйти из партии» (68), а Ф.С. Курдаков, проживавший там же, «во время голодного года использовал женщин в половом отношении за кусок хлеба (беднячек)» (69). Хозяйство же Р.Н. Можарова, крестьянина из Карауловского сельсовета этого же района, насчитывало «овец 18 человек» (70).

Другие главы семей поплатились за обладание крупной собственностью. Однако были ли крестьяне настолько зажиточны, как считалось? Так, Г.Х. Борисенков имел целые табуны скота (71). Словарь В. Даля приводит «табун» в качестве синонима «стада», а «стадо» определяет как пасущийся вместе дворовый скот одного хозяина или одного селенья, города, местности. Отсюда следует, что «табунами» были лишь вместе пасущиеся группы разного скота, совсем не обязательно многочисленные. И подобные «табуны» — действительно — были, но практически у всех жителей деревни, а не только у «раскулаченных».

Многие хозяева были обвинены в провале хлебозаготовок и даже судимы за невыполнение договора контрактации. По этому поводу можно сказать, что размеры обязательных поставок были увеличены в два раза, что делало их почти невыполнимыми.

Под «контрактацией» же понимали заключение контракта, договора; систему контрактов, заключаемых по закупке сельскохозяйственной продукции (72). Из остальных судимостей выделяются «участие в отряде Анненкова» (73), осужденные по ст. 107 УК СССР (74) (спекуляция, под которую могли «подвести» за любую частную торговлю) и группа судимостей, имеющая уголовный характер.

Слова «кулак» и «лишенец» стали почти синонимами — этим объясняется достаточно большая доля лишенцев среди «раскулаченных» крестьян. Однако

не обошлось и без «правовых казусов»: например, некоторые домовладельцы были лишены избирательного права дважды (75), причем один из них в период между лишениями так восстановлен и не был (76).

Осознав, что могут быть лишены всего своего имущества, нажитого собственным трудом, главы семей стали раздавать имущество родственникам, продавать его — в общем, избавляться от него всеми возможными способами, чтобы не подпасть под категорию «кулаков». Им в вину было поставлено «расхищение имущества» (77), но у кого — у самих себя?

Если основываться на одних только характеристиках «раскулаченных», можно восстановить целые «кулацкие генеалогические древа» или «кулацкую» родословную какой-нибудь небольшой деревни: молодому человеку 25 лет в вину было поставлено то, что он является внуком (!) «кулака» (78). А М.Г. Ильиных, крестьянин из Чебаркульского сельсовета Бишкильского района Челябинского округа, «закулачивал сына» (79). Однако «закулаченного» сына «раскулачили» вместе с отцом. Случай же, когда отвечать за отца должен был сын (сын «атамана-кулака», сын «кулака-эксплуататора» (80)), уже стали лейтмотивом документов того времени. При этом надо иметь в виду: до революции «атаманами» назывались главы местных (станичных, поселковых, хуторских) самоуправлений.

Вообще, родственные связи и их влияния на судьбу жертв политического режима — отдельная тема, заслуживающая самого пристального внимания исследователей.

Интересно, что в документах в отдельных случаях даже признавался сам факт репрессий — так, С.Ф. Алексеев из Наследничьего сельсовета Брединского района Троицкого округа «подвергался судебным репрессиям» (выделено мной — *А.Р.*) в 1929 г. (81).

Чудовищный случай имел место в Долматовском районе, где «одна беднячка от запугиваний ее за то, что она не идет в колхоз, в невменяемом состоянии зарубила двух своих малолетних детей и нанесла себе семь ран» (82).

Следует понимать, что отнюдь не все смогли вынести тяготы и лишения: например, И.С. Птицын застрелился в больнице после того, как на собрании ему поставили в вину связь с «кулачеством» (83).

Эта связь, ставшая штампом времени, могла быть весьма разнообразной. Отдельно остановимся на «связи кулаков с духовенством», что также ставилось в вину «раскулаченным» крестьянам. Связи могли быть различными: у сына «кулака» С.И. Балашева, проживавшего в Чебаркульском сельсовете Бишкильского района Челябинского округа, который учился на священника, связь с духовенством проходила «через троцкизм» (84), а у его односельчанина, М.С. Дуравина, была просто «краткая связь с духовенством» (85).

Важно отметить, что по результатам проверки ОГПУ многие из «раскулаченных» крестьян были признаны ошибочно выселенными и подлежали возвращению на родину, так как «раскулачивание» было ошибочным, но Троицкий окружной исполнительный комитет постановил «считать выселение правильным и не подлежащим отмене» (86).

Таким образом, исследовав представительный корпус источников из центральных, региональных и местных архивов, нам удалось проследить развитие кампании по «раскулачиванию» на конкретных примерах, а также выявить черты портрета «раскулаченного» крестьянина на Южном Урале. Отметим, что имущественное положение типичного «раскулаченного» южноуральского главы семьи было достаточно стабильным, но при этом он не был очень богатым домохозяином. Показатели его хозяйства всего в 2—2,5 раза превышали аналогичные характеристики среднестатистического крестьянина накануне «раскулачивания». Этот домохозяин был лишен избирательных прав и «раскулачен» за то, что эксплуатировал батраков, владел сельскохозяйственными машинами и собственностью, а также за то, что считался «кулаком».

Нельзя не обратить внимание, что основания к выселению составлялись общегражданским собранием сельсовета, из чего следует, что именно в составлении подобных оснований и смогли проявить себя люди, которые на сельскохозяйственном поприще ничем односельчанами не запомнились. Перечень признаков «кулацкого» хозяйства неоднократно дополнялся, а в итоге в 1931 г. право на дополнение этого перечня было отдано на откуп Советом Народных Комиссаров облисполкомам, которым «даровали» право на вседозволенность и которые фактически могли объявить причиной раскулачивания абсолютно любой «признак». Именно этим объясняется такой широкий разброс причин — формальных и фактических — для «раскулачивания»: от экономических показателей до политической неблагонадежности и личной неприязни, то есть в действительности под кампанию по «раскулачиванию» мог попасть любой крестьянин.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) Автор выражает благодарность д.и.н., профессору Л.И. Бородкину за полезное обсуждение и интересные комментарии к настоящей статье.
- (2) Термин «раскулачивание» и его производные является сталинской идеологемой, поэтому он закавычен. Проблема использования идеологем связана с отсутствием в данной области в настоящий момент разработанного и общепризнанного терминологического аппарата. Во-первых, и сегодня в некоторых исследованиях термин «раскулачивание» используется без кавычек (например, в монографии Н.А. Ивницкого «Судьба раскулаченных в СССР», изданной в 2004 г., или в пятитомном издании документов «Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание», вышедшим в свет в 1999—2006 гг. под редакцией В.П. Данилова и др.), а во-вторых, предлагаемый вместо «раскулачивания» термин «раскрестьянивание», на наш взгляд, не носит универсального характера, и вопрос о корректности его применения до сих пор остается достаточно дискуссионным.
- (3) См., например: Раков А.А. Опыт анализа кулацкого хозяйства 1930 года: экономико-правовой и политический аспекты (создание базы данных по материалам Троицкого районного архива) // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области: Материалы научно-практической конференции). — Челябинск, 2003. — С. 164—167; Он же. Особенности создания базы данных по материалам источников с разными формулярами (на примере БД по раскулаченным Южного Урала) // Информационный бюллетень Ассоциации «История и компьютер». — № 34: Материалы X конференции АИК.

- Май 2006. — М., Тамбов, 2006. — С. 181—183; *Он же*. О социальном портрете раскулаченных крестьян Южного Урала (1930—1934 гг.): экономические и демографические аспекты анализа базы данных // Историко-экономические исследования. — 2007. — Т. 8. — № 1. — С. 93—126; *Rakov A.A.* Social and Economic Dimensions of Southern Ural Dekulaked Peasants (1930—1934) // Historical Social Research. — 2008. — Vol. 33. — No. 2. — P. 359—384.
- (4) *Земсков В.Н.* «Кулацкая ссылка» в 30-е годы // СОЦИС. — 1991. — № 10. — С. 3.
 - (5) *Он же*. Спецпоселенцы в СССР, 1930—1960. — М., 2003. — С. 27.
 - (6) ПП ОГПУ — Полномочное Представительство Объединенного Главного Политического Управления.
 - (7) Объединенный государственный архив Челябинской области (ОГАЧО). — Ф. 170 (Троицкий окружной комитет ВКП(б) — общий отдел). — Оп. 1. — Д. 648. — Л. 169, 169 об., 170.
 - (8) *Бетнев В.В.* Правоохранительные органы Южного Урала в период проведения коллективизации // Южный Урал в судьбе России (к 70-летию Челябинской области: Материалы научно-практической конференции). — Челябинск, 2003. — С. 138.
 - (9) Архивный отдел Администрации Троицкого района Челябинской области. — Ф. 356 (Исполнительный комитет Троицкого округа Уральской области). — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 21, 26, 103.
 - (10) *Игнатова Н.* Спецпереселенцы в республике Коми в 1930—1940 гг.: заселение и условия жизни // Корни травы. Сборник статей молодых историков. — М., 1996. — С. 25—26.
 - (11) «Совершенно секретно»: Лубянка — Сталину о положении в стране (1922—1934). — Том 7. — 1929. — М., 2004. — С. 187.
 - (12) ОГАЧО. — Ф. 170 (Троицкий окружной комитет ВКП(б) — общий отдел). — Оп. 1. — Д. 654. — Л. 339, 340.
 - (13) Там же. — Д. 652. — Л. 68—69.
 - (14) Там же. — Л. 104.
 - (15) Там же. — Д. 702. — Л. 1, 1 об., 2.
 - (16) Трагедия советской деревни. Коллективизация и раскулачивание. 1927—1939. Документы и материалы: в 5-ти тт. Ноябрь 1929 — декабрь 1930 гг. — М., 2000. — Т. 2. — С. 200.
 - (17) ОГАЧО. — Ф. Р-220 (Челябинский городской исполнительный комитет). — Оп. 9. — Д. 7. — Л. 4.
 - (18) Там же. — Л. 5.
 - (19) Архивный отдел Администрации Катав-Ивановского муниципального района Челябинской области. Фонд Исполнительного комитета Катавского районного Совета депутатов трудящихся (*материал не каталогизирован и не систематизирован*). — Д. 10. — Л. 70.
 - (20) Архивный отдел Администрации Чебаркульского района Челябинской области. — Ф. 1 (Чебаркульский районный Совет депутатов трудящихся). — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 24, 24 об.
 - (21) Архивный отдел Администрации Троицкого района Челябинской области. — Ф. 435. — Оп. 1. — Д. 6. — Л. 4, 4 об.
 - (22) Архивный отдел Администрации Катав-Ивановского муниципального района Челябинской области. — Д. 10. — Л. 38.
 - (23) Архивный отдел Администрации Чебаркульского района Челябинской области. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 1. — Л. 68—71.
 - (24) Архивный отдел Администрации Октябрьского района Челябинской области. — Ф. 9 (Исполнительный комитет Октябрьского района Челябинского округа Уральской области (1930—1936 гг.)). — Оп. 2. — Д. 3. — Л. 19.

- (25) Государственный архив Свердловской области (ГАСО). — Ф. Р-158. — Оп. 2. — Д. 42. — Л. 82.
- (26) Красная армия и коллективизация деревни в СССР (1928—1933 гг.). Сборник документов из фондов РГВА / Сост. А. Романо и Н. Тархова. — 1996. — С. 320.
- (27) Там же. — С. 320—321.
- (28) Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). — Ф. 9479. — Оп. 1. — Д. 12. — Л. 6.
- (29) ОГАЧО. — Ф. 170. — Оп. 1. — Д. 654. — Л. 376—379.
- (30) *Елисеева Н.* Судьбы пензенских крестьян в период коллективизации // Материалы Летней школы стипендиатов фонда им. Генриха Белля. — М., 2004. — С. 34.
- (31) Архивный отдел Администрации Троицкого района Челябинской области. — Ф. 356. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 107.
- (32) Архивный отдел Администрации Чебаркульского района Челябинской области. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 25.
- (33) ОГАЧО. — Ф. 170. — Оп. 1. — Д. 648. — Л. 358; Там же. — Д. 904. — Л. 328.
- (34) Там же. — Д. 648. — Л. 235, 235 об.
- (35) Трагедия советской деревни... — Т. 2... — С. 293.
- (36) Там же. — С. 271.
- (37) Архивный отдел Администрации Катав-Ивановского муниципального района Челябинской области. — Д. 10. — Л. 9.
- (38) Там же. — Л. 20—22.
- (39) Архивный отдел Администрации Троицкого района Челябинской области. — Ф. 356. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 38.
- (40) ГАСО. — Ф. Р-158. — Оп. 2. — Д. 42. — Л. 33.
- (41) Там же.
- (42) ОГАЧО. — Ф. 170. — Оп. 1. — Д. 648. — Л. 235, 235 об.; Архивный отдел Администрации Троицкого района Челябинской области. — Ф. 356. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 63.
- (43) Архивный отдел Администрации Троицкого района Челябинской области. — Ф. 356. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 103.
- (44) ОГАЧО. — Ф. 170. — Оп. 1. — Д. 662. — Л. 59—61.
- (45) Там же. — Д. 648. — Л. 74—75.
- (46) Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). — Ф. 112. — Оп. 41. — Д. 11. — Л. 28—29.
- (47) Архивный отдел Администрации Чебаркульского района Челябинской области. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 44.
- (48) РГАСПИ. — Ф. 112 (Политуправление Наркомзема СССР. 1930—1935 гг.). — Оп. 41. — Д. 80. — Л. 113.
- (49) Архивный отдел Администрации Катав-Ивановского муниципального района Челябинской области. — Д. 11. — Л. 9.
- (50) РГАСПИ. — Ф. 112. — Оп. 41. — Д. 80. — Л. 44.
- (51) Там же. — Л. 126.
- (52) Там же. — Оп. 56. — Д. 12. — Л. 20.
- (53) Там же. — Оп. 41. — Д. 80. — Л. 68.
- (54) Архивный отдел Администрации Троицкого района Челябинской области. — Ф. 356. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 32.
- (55) Там же. — Л. 10.
- (56) Архивный отдел Администрации Катав-Ивановского муниципального района Челябинской области. — Д. 6. — Л. 207.
- (57) ОГАЧО. — Ф. Р-98. — Оп. 7. — Д. 107. — Л. 64 об.

- (58) Архивный отдел Администрации Брединского района Челябинской области. — Ф. 19. — Оп. 3. — Д. 34. — Л. 1.
- (59) Архивный отдел Администрации Троицкого района Челябинской области. Ф. 356. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 109.
- (60) Там же. — Л. 67.
- (61) Архивный отдел Администрации Катав-Ивановского муниципального района Челябинской области. — Д. 3. — Л. 58 об.
- (62) Там же. — Л. 59.
- (63) Там же. — Д. 6. — Л. 141.
- (64) ОГАЧО. — Ф. Р-98 (Челябинский окружной исполнительный комитет). — Оп. 7. — Д. 107. — Л. 17, 17 об.
- (65) Архивный отдел Администрации Троицкого района Челябинской области. — Ф. 356. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 45.
- (66) Архивный отдел Администрации Чебаркульского района Челябинской области. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 14.
- (67) Архивный отдел Администрации Катав-Ивановского муниципального района Челябинской области. — Д. 6. — Л. 215.
- (68) Там же. — Д. 9. — Л. 64.
- (69) Там же. — Д. 6. — Л. 148.
- (70) Там же. — Д. 9. — Л. 91.
- (71) Архивный отдел Администрации Троицкого района Челябинской области. — Ф. 356. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 86.
- (72) Новая иллюстрированная энциклопедия. Кн. 9. Кл — Ку. — М., 2004. — С. 111.
- (73) Б.В. Анненков, известный казачий командир, один из активных участников Сибирского казачьего войска, воевал на стороне «белых».
- (74) Архивный отдел Администрации Троицкого района Челябинской области. — Ф. 356. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 124.
- (75) Там же.
- (76) Там же. — Л. 109.
- (77) Там же. — Л. 59, 60, 91.
- (78) Там же. — Л. 125.
- (79) Архивный отдел Администрации Чебаркульского района Челябинской области. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 46.
- (80) Архивный отдел Администрации Троицкого района Челябинской области. — Ф. 356. — Оп. 1. — Д. 11. — Л. 33—34.
- (81) Архивный отдел Администрации Брединского района Челябинской области. — Ф. 19. — Оп. 3. — Д. 80. — Л. 372.
- (82) ОГАЧО. — Ф. 170. — Оп. 1. — Д. 670. — Л. 21.
- (83) Архивный отдел Администрации Чебаркульского района Челябинской области. — Ф. 1. — Оп. 1. — Д. 3. — Л. 49.
- (84) Там же. — Л. 32 об.
- (85) Там же. — Л. 37.
- (86) ОГАЧО. — Ф. Р-421 (Троицкий окружной исполнительный комитет). — Оп. 7. — Д. 10. — Л. 3.

**«IZVRASCHENIYA», «LZHEKOLKHOZY»
AND «RELATIONS WITH CLERGY THROUGH TROTSKYISM»:
«DEKULAKIZATION» IN SOUTHERN URAL (1930—1934)**

A.A. Rakov

Department for Contemporary Russian History
Institute for History and Archival Studies
Russian State University for the Humanities
Nikolskaya Str., 15, Moscow, Russia, 103012

This paper is based on the unpublished materials taken from local, regional and central Russian archives and contains an analysis of motives and reasoning behind ‘dekulakization’ (*raskulachivanie*) of the Southern Ural peasants given in the testimonials as the arguments for the eviction. The state of Southern Ural peasants in the village and the steps the Soviet state took to fight with the peasants are also considered.

Key words: collectivization, dekulakization, kolkhoz, peasants, Southern Ural, testimonial, arguments for eviction, disfranchisement.